

Нет, он не каялся, надменный, чуждый страху,
Сие признание произнесли уста,
Как демон повелел, признавший мощь Христа.

И этот самый дух, который плоть восславил,
950 Латома⁸⁴ злобного изречь при всех заставил:
«Господь меня сразил за тот великий грех,
Что в Божьем храме я кощунствовал при всех».

Что сеял этот бес, мы видели воочью,
Когда посевы зла взошли кровавой ночью.
955 Он разума лишил Коссена, Безиньи,
Тавана и других вершителей резни⁸⁵.
Один, де Безиньи, принес нам тьму страданий
И небу кровь явил, стекающую с дланей,
О коих молвил он: «Вот слуги палача,
960 Чей нож отточенный разил ягнят сплеча:
Все это вспомнится, и сердце отзовется,
От ужаса дрожит, от состраданья рвется».

Коссен сражен в бою у Ла-Рошельских стен.
Они, увы, молчат, а тот, кто ныне тлен,
965 Не мог скрыть истину под вековым покровом
И вытащил ее на свет с последним словом,
Совсем как Безиньи, тот, первый из громил,
Который сам себя пред смертью осудил.

А третий, де Таван, был тоже главным в шайке,
970 Слюною брызгая, безмозглый, сеял байки
В парижской местности, и хоть менял он лик,